

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О РАСКОЛЬНИКАХЪ НИЖЕГОРОДСКОЙ ЕПАРХІИ.

Извѣстно ⁽¹⁾, что нижегородская губернія, или, какъ называлась она въ XVII вѣкѣ, „низовская земля“ ⁽²⁾, издавна служила мѣстомъ средоточія раскольниковъ преимущественно бѣглопоповской секты. Были, правда, въ ней и беспоповцы, поморскаго и вѣдосѣвскаго согласій, филиповцы, а впоследствии, бѣгуны; но ихъ, сравнительно съ бѣглопоповцами, было немного. Избравъ мѣстомъ своего жительства низовскую землю съ самыхъ первыхъ временъ появленія раскола, раскольники съ теченіемъ времени пріобрѣтали въ ней большую и большую силу, болѣе и болѣе увеличивали число своихъ послѣдователей. Невсегда, правда, раскольники были

⁽¹⁾ См. Др. росс. вѣдѣн. ч. XV и XVIII; Роз. св. Дим. рост. ч. III; Полн. ист. изв. о раск. Журавл.; Раск. д. XVIII. ст. Есип.; Ист. русск. раск. пр. Мак.; Пред. къ Прац. пр. Питир.

⁽²⁾ Наст. гр. митр. Филар. ном. къ XVIII. ч. Др. росс. вѣдѣн.

сильны въ нижегородской епархіи; и здѣсь приходилось имъ терпѣть невзгоды, особенно во время управленія нижегородскою епархіею Пителима и вице-губернаторства Ржевскаго. Но эти невзгоды были временныя, продолжавшіяся только при Пителимѣ и Ржевскомъ, и частію въ царствованіе Елисаветы Петровны, въ теченіи 40—50 лѣтъ. Въ царствованіе Екатерины II расколъ началъ быстро увеличиваться въ нижегородской губерніи и продолжаетъ увеличиваться до сихъ поръ. Теперь расколъ началъ пріобрѣтать себѣ послѣдователей даже въ такихъ приходахъ, въ которыхъ доселѣ вовсе не было раскольниковъ.

Въ чемъ же сила раскола? Какими средствами онъ поддерживалъ и поддерживаетъ не только свое существованіе среди православнаго общества, но и постоянно увеличивается на счетъ тогоже общества?

Долго, да и неумѣстно было бы подробно разбирать здѣсь тѣ общія причины и обстоятельства, которыя дали возможность укрѣпиться расколу и неослабно продолжать свое 200-лѣтнее существованіе. Скажемъ только, что причинъ этихъ было немало. Первая и самая главная изъ нихъ та, что расколъ возникъ изъ началъ народныхъ, слѣдовательно имѣлъ основаніе въ исторически прожитой русскими жизни. Въ XVII вѣкѣ, когда въ одной части русскаго общества началось движеніе, когда обстоятельства потребовали замѣны старыхъ формъ жизни новыми, другая часть его, приверженцы стараго порядка, старины, объявили себя противъ этой перемѣны; они не хотѣли ничего новаго, а желали идти по тойже самой колесѣ, которая про-

ложена была отцами и дѣдами. Но какъ на сторонѣ партіи движенія были обстоятельства, лучшіе люди времени и само правительство, духовное и свѣтское; то естественно, что приверженцы старины не могли одержать верхъ и должны были уступать. Но они уступили не безъ борьбы. Началась борьба. И такъ какъ сила была на сторонѣ партіи движенія, за которую стояло и правительство, то приверженцамъ старины борьба пришлась не подъ силу. Они подверглись гоненіямъ. Какъ и слѣдовало ожидать, гоненія эти не ослабили партію стараго порядка, а только придали ей силу, заставивъ разсѣянныхъ и разъединенныхъ приверженцевъ старины сплотиться въ крѣпкія общины. Это вторая причина силы и устойчивости раскола. Начались дѣятельныя сношенія старообрядческихъ общинъ, образовавшихся въ Поморьѣ, на Вѣткѣ, въ Стародубьѣ, на Керженцѣ, въ Москвѣ и въ отдаленной Сибири. Сносясь между собою, раскольническія общины поддерживали себя взаимно, разжигали въ своей средѣ ненависть къ существующему порядку, возводя хулы на православіе и восхваляя свою, будто бы старую, вѣру, завѣщанную отцами и дѣдами. Эти причины были главными причинами, обусловливавшими 200-лѣтнее существованіе раскола и притомъ общими всему старообрядству, всѣмъ раскольническимъ средамъ: Поморью, Стародубью, Керженцу, Вѣткѣ, Иргизу,—причинами, дававшими старообрядству силу и возможность не только вести борьбу съ Церковію и правительствомъ, но и распространять расколъ среди православныхъ.

Кромѣ этихъ причинъ и обстоятельствъ, обусловившихъ силу и крѣпость старообрядства, каждый раскольническій уголь имѣлъ еще свои мѣстныя средства; при помощи которыхъ жилъ и развивался въ данной мѣстности на счетъ туземныхъ православныхъ. Такъ и у нижегородскихъ раскольниковъ, особенно у вождей и руководителей раскола, были и свои, мѣстныя средства, при помощи которыхъ они не только поддерживали расколъ въ наличномъ его составѣ, но и распространяли его между православными. Средствами этими были (1): распространеніе нелѣпыхъ басенъ и сказокъ о существованіи невидимыхъ подземныхъ монастырей и живущихъ въ нихъ святыхъ; выдача за святыню такихъ мѣсть, гдѣ жили болѣе замѣчательные представители раскола; оглашеніе святыми нѣкоторыхъ изъ раскольническихъ учителей и простыхъ раскольниковъ, тѣла которыхъ будто бы почиваютъ нетлѣнными, и нѣкоторыхъ иконъ, по увѣреніямъ расколуучителей, чудотворныхъ; влияніе скитовъ на окрестныхъ жителей и, наконецъ, огромныя богатства, сосредоточившіяся въ рукахъ раскольниковъ и вообще зажиточность раскольниковъ.

Простой русскій народъ, какъ и всякій народъ неразвитый и необразованный, склоненъ вѣрить всему чудесному. Живя болѣе чувствомъ, а не разсудкомъ, онъ рѣдко отличаетъ истину отъ лжи, существенное отъ несущественнаго. Живя непосредственною жизнью, какъ

(1) Средства эти и теперь имѣютъ значеніе какъ для поддержки, такъ и для распространенія раскола.

дита природы, не вникая въ ея явленія онъ, при объясненіи ихъ, довольствуется вымыслами фантазіи, а не указаніями разсудка. Не зная жизни природы, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не знаетъ и своего далекаго прошлаго, не знаетъ жизни, прожитой его предками. Правда, есть у него преданія о прожитой имъ жизни; но эти преданія всегда украшены вымыслами фантазіи; въ нихъ онъ не отличаетъ дѣйствительно случившагося отъ басни и сказки. Этой склонностью народа къ чудесному, этимъ его незнаніемъ, а вслѣдствіе того и легковѣріемъ, воспользовались вожди раскола, которые, къ слову сказать, и сами были не развитѣе тѣхъ, кому передавали свои вымыслы. Такъ вожди раскола разгласили о существованіи невидимыхъ, древнихъ старинныхъ монастырей съ живущими въ нихъ святыми, и простой народъ повѣрилъ имъ. Къ такимъ невидимымъ монастырямъ принадлежатъ: Нестіарь и большой Китежъ.

Нестіарь, по сказанію раскольниковъ, находится въ макарьевскомъ уѣздѣ, на берегу озера Нестіарь, называемаго также Невскимъ. Въ незапамятныя времена, какъ говорятъ раскольники, въ городѣ Василѣ (Василь стоитъ на правомъ берегу Волги, а Макарьевъ на лѣвомъ) случилось чудо. Въ день преполовенія, во время литургіи, васильевская церковь внезапно была поглощена землею со всѣмъ находившимся въ ней народомъ. Но церковь эта не погибла, а чудеснымъ образомъ была перенесена за Волгу, на берега Невскаго озера и осталась невидимою. Чудо этимъ не окончилось. При церкви этойъ была обитель, которая также перенесена вмѣстѣ съ церковію. Въ обители находились семь свя-

тыхъ иноковъ, которые, также какъ и обитель, остались невидимыми (куда дѣвался народъ, находившій въ перкви, раскольники не говорятъ). Но хотя семь иноковъ и были людьми святыми, однако они подвержены были смерти, и потому, съ теченіемъ времени, обитель должна была опустѣть. Но, по сказанію суевѣрныхъ раскольниковъ, обитель эта вмѣстѣ съ иноками существуетъ и доннѣ и должна существовать невидимо неопредѣленное время, именно до тѣхъ поръ, когда восторжествуетъ расколъ и падетъ православіе. Тогда обитель та съ находящимися въ ней иноками сдѣлается видимою и при ней учредится первая въ свѣтѣ ярмарка. Что же касается пополненія числа семи святыхъ (число это не должно ни увеличиваться, ни уменьшаться), то оно пополняется такимъ образомъ: когда умираетъ одинъ изъ семи святыхъ, тогда, по указанію свыше, на мѣсто умершаго приходитъ благочестивый человѣкъ, которому обитель дѣлается видимою, а самъ онъ становится невидимымъ. Такое пополненіе обители будетъ продолжаться до паденія православія. Не смотря на явный вымыселъ этого сказанія, были, даже и теперь есть, легковѣрные, которые убѣждены въ истинѣ этой нелѣпой басни.

Подобнаго же рода сказаніе существуетъ и о городѣ Китежѣ. Китежь находится также въ макарьевскомъ уѣздѣ, на берегу озера Свѣтлояра. По преданію, онъ основанъ княземъ псковскимъ Георгіемъ и, въ отличіе отъ малаго Китежа (Городца), названъ большимъ Китежемъ. Недолго князь жилъ во вновь построенномъ городѣ. Вскорѣ по построеніи его онъ удалился

въ Псковѣ. Нашествіе Батыеа на русскую землю принудило однако князя оставить родной городъ и заставило его опять возвратиться къ берегамъ Волги. Разбитый при Волгѣ Батыемъ, Георгій бѣжалъ и затворился въ маломъ Китежѣ. Батый обложилъ малый Китежъ. Тогда Георгій удалился въ большой Китежъ. Батый съ своими татарами погнался за нимъ. Но едва татары подошли къ городу, онъ, съ находящимися въ немъ церквами и монастырями, сдѣлался невидимымъ ⁽¹⁾. Съ этихъ поръ, говорятъ раскольники, хотя городъ остался невидимымъ, но жизнь въ немъ не прекратилась. Вожди раскола, и вообще тѣ, кому выгодно поддерживать суевѣріе въ народѣ, увѣряютъ, что они сами слышали звонъ, который будтобы выходилъ изъ глубины озера. Этотъ сказочный городъ, также какъ и Нестіаръ, пополняется людьми благочестивыми. Кто изъ благочестивыхъ желаетъ войти въ Китежъ, тотъ долженъ оставить домъ, отца и мать, братьевъ и сестеръ, родныхъ и знакомыхъ и, не оглядываясь, не обращая вниманія на искушенія и устрашенія со стороны нечистой силы, идти по батыевой тропинкѣ къ озеру Свѣтлояру. Только подъ этими условіями городъ сдѣлается видимымъ и благочестивый человекъ войдетъ въ него и будетъ наслаждаться предвкушеніемъ райской жизни. Какъ прежде, такъ и теперь, раскольники собираются на берега озера Свѣтлояра для молитвы, поютъ здѣсь всемошныя и читаютъ китеж-

(1) По другому преданію, Батый обложилъ и большой Китежъ, раззорилъ его, а самого князя Георгія убилъ. Уже разрушенный, Китежъ сдѣлался невидимымъ.

скій лѣтописецъ. По сказанію раскольниковъ, собранія эти начались съ незапамятныхъ временъ. Нужно думать, что раскольники воспользовались уже готовымъ сказаніемъ о Китежѣ и Нестіарѣ, съ давнихъ поръ распространеннымъ въ народѣ. Поэтому имъ нетрудно было убѣдить легковѣрныхъ въ дѣйствительности того, что передавалось въ народѣ, какъ сказка. А сказка эта была какъ нельзя болѣе кстати для раскольниковъ. Они воспользовались ею, какъ доказательствомъ правоты своей вѣры, святости своего будтобы древлецерковнаго благочестія, подъ условіемъ котораго только и возможны были подобнаго рода чудеса.

Приведенныя нами сказанія признаются за истинныя и нѣкоторыми изъ православныхъ и могутъ вообще назваться произведеніями народной фантазіи. Но въ нижегородской епархіи есть священныя мѣста, оглашенныя таковыми уже самими раскольниками, единственно съ цѣлію привлечь легковѣрныхъ въ расколъ. Къ такимъ мѣстамъ принадлежитъ Царицыно или Девворино мѣсто. Оно находится въ арзамасскомъ уѣздѣ, въ пяти верстахъ отъ села Пустыни. Здѣсь, какъ говорятъ раскольники, скрывалась нѣкогда родная тетка царицы Натальи Кирилловны, Евдокія, въ иночествѣ Деввора, отчего и мѣсто это зовется Царицынымъ или Девворинымъ. Гонимая за привязанность къ старой вѣрѣ, она будтобы оставила дворъ, терпѣла лишенія разнаго рода, но не измѣнила древлецерковному благочестію, за что и прослыла святою. Раскольники очень дорожатъ памятью Девворы потому, что она была знатнаго рода, царская родственница, что, по ихъ мнѣнію,

составляет немаловажное доказательство ихъ правоты. Петръ I измѣнилъ православію, но онъ былъ „не коренной потомокъ русскихъ государей, а шведъ подменный“⁽¹⁾, коренные же русскіе государи и ихъ близкіе родственники держались старой вѣры и за это, по мнѣнію раскольниковъ, удостоились святости, какъ, напри- мѣръ, упомянутая нами Деввора. Гдѣ она скончалась и погребена, неизвѣстно; только мѣсто, гдѣ она скрыва- лась, издавна почитается священнымъ.

Кромѣ Царицына мѣста, раскольники почитаютъ священнымъ мѣсто казни Макарія и съ нимъ 19 рас- кольниковъ, по повелѣнію Петра I. Мѣсто это нахо- дится близъ села Пафнутова, въ небольшомъ лѣсу. Сю- да собираются раскольники по ночамъ и служатъ здѣсь панихиды. Почитается также священнымъ старое клад- бище на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде былъ скитъ „Смоль- яны“⁽²⁾. На этомъ кладбищѣ будтобы покоятся 12 святыхъ, которымъ на поклоненіе сходятся расколь- ники. Поклонники собираются сюда преимущественно 26 іюня, въ день тихвинской иконы Богоматери.

Къ чтимымъ раскольниками святымъ принадлежатъ, прежде всего, выходцы соловецкіе, жившіе въ лѣсахъ керженскихъ. Такъ, раскольники выдаютъ за святыхъ; а) Арсенія, бѣжавшаго съ соловецкаго острова во вре- мя осады тамошняго монастыря. Раскольническое пре- даніе говоритъ, будто онъ чудеснымъ образомъ пере- несенъ былъ съ острова на материкъ. Когда онъ очу-

⁽¹⁾ Раск. д. XVIII. ст. ч. 1. стр. 41—47.

⁽²⁾ Это былъ первый скитъ раскольнический, построенный ок. 1686 г.

тился на берегу, то ему явилась чудотворная икона Богоматери казанская, пошла предъ нимъ по облакамъ, привела его въ керженскіе лѣса, гдѣ и указала мѣсто, на которомъ онъ долженъ былъ поселиться. Мѣсто это находится близъ деревни Хворостиной. Здѣсь построень былъ Арсеніемъ скитъ шарпанскій, въ которомъ будто-бы и теперь находятся подъ спудомъ его мощи. б) Софоній. Это былъ тоже бѣглець соловецкаго монастыря, пришедшій на Керженецъ въ 80-хъ годахъ XVII столѣтія. Не смотря на то, что Софоній „людей жигаль“, въ чемъ обвинялъ его вѣтковскій попъ Θεодосій, и почиталъ еретическія письма Аввакума о св. Троицѣ боговдохновенными, раскольники почитаютъ его за святаго и сходятся на поклоненіе мнимымъ мощамъ его. Мощи его указываютъ въ глухомъ лѣсу, въ шести верстахъ отъ уѣзднаго города Семенова, на кладбищѣ софоніева скита, уничтоженнаго Питиримомъ, а по изслѣдованію нѣкоторыхъ любопытныхъ онѣ предались тлѣнію⁽¹⁾. Здѣсь была деревянная часовня, въ которой, надъ могилою Софонія, построень былъ небольшой надгробный памятникъ, съ крестомъ наверху и небольшою литою иконою благовѣщенія на сторонѣ. Въ этомъ памятникѣ стояло нѣсколько иконъ и столъ со свѣчами, ладономъ, кадильницами и подручниками. Какъ въ былое время, такъ и теперь раскольники собираются на могилу Софонія на поклоненіе. Преимущественно же собранія раскольниковъ на могилѣ Софонія бывають на пасхѣ

(1) Духъ мудров. раск. стр. 43 въ примѣч. Таковы же, конечно, мощи и прочіе раскольническихъ святыхъ.

въ четвергъ и пятницу и потомъ въ Духовъ день. На пасхальной недѣлѣ монахи и монахини, положивъ на могилу крашенныя яйца, поютъ пасхальный канонъ, по окончаніи котораго яйца берутъ съ собою и употребляютъ потомъ какъ святыню. Нѣкоторые, изъ болѣе суевѣрныхъ, берутъ съ могилы песокъ и пьютъ его съ водою изъ Софоніева колодца, въ полной увѣренности, что песокъ этотъ имѣетъ силу предотвращать и устранять всякаго рода болѣзни. Въ Духовъ день богомольцы собираются на могилу рано утромъ и служатъ здѣсь панихиды вплоть до обѣда. Послѣ обѣда начинается въ лѣсу, около часовни, гулянье, которое не обходится безъ попокъ. Вечеромъ молодые люди предаются разврату.

в) Къ числу соловецкихъ выходцевъ, будтобы святыхъ, принадлежитъ Ефремъ, пришедшій на Керженецъ вмѣстѣ съ Софоніемъ. По прибытіи на Керженецъ, онъ построилъ себѣ скитъ, въ которомъ и жилъ до своей смерти ⁽¹⁾.

Кромѣ упомянутыхъ нами, будтобы святыхъ, выходцевъ соловецкихъ, раскольники выдаютъ также за святыхъ нѣкоторыхъ и изъ жителей нижегородскихъ, о жизни которыхъ у самихъ раскольниковъ нѣтъ достовѣрныхъ преданій. Однажды будучи выданы расколотчиками за святыхъ, они навсегда остались такими въ народномъ представленіи раскольниковъ. Простые, легковѣрные люди не добираются до истины, не раз-

(1) Ефрема не всѣ раскольники почитаютъ за святаго, не всѣ даже помѣщаютъ его въ своихъ помянникахъ, тогда какъ первые двое, Арсеній и Софоній, находятся во всѣхъ почти скитскихъ помянникахъ.

бирають жизни своихъ прославленныхъ святыхъ. Въ чемъ увѣрили ихъ дѣды, на томъ стоятъ они и теперь. Имъ сказали, что существуютъ мощи такихъ-то святыхъ, а до остальнаго имъ нѣтъ дѣла. Такимъ образомъ въ полной увѣренности въ святости скитскихъ жителей, оглашенныхъ таковыми отъ расколоучителей, нижегородскіе раскольники почитаютъ мощи:

1) Голиндухи, жившей въ началѣ XVIII столѣтія. Она еще при жизни своей пользовалась уваженіемъ скитскихъ керженскихъ жителей. Въ ея скитѣ раскольники собирались даже для споровъ по поводу писемъ Аввакума⁽¹⁾. Мощи Голиндухи находятся между улангерскимъ и комаровскимъ скитами, въ лѣсу, на мѣстѣ бывшего голиндухина скита, уничтоженнаго Питиримомъ. Вмѣстѣ съ нею лежатъ двѣ ея племянницы, а по увѣренію другихъ, дочери, признаваемые также за святыхъ.

2) Мощи Фотиніи, находящіяся также между комаровскимъ и улангерскимъ скитами. Надъ могилою ея—часовня, въ которой и устроена ея гробница.

3) Мощи Маргариты. Онѣ находились близъ деревни Одинцовъ. Она жила въ одинцовскомъ скитѣ и въ немъ же похоронена. Раскольники увѣряютъ, что по видѣнію во снѣ, бывшему одной скитницѣ, тѣло ея было перенесено на другое мѣсто и найдено веплѣннымъ. Какое это другое мѣсто, раскольники не говорятъ. На мѣстѣ прежней могилы образовался ключъ, названный святымъ, имѣющій будтобы цѣлебныя свойства. На

(1) См. Есип. ч. II.—Керж. въ царств. Петра в.

поклоненіе Маргаритѣ ходять не всѣ раскольники, а только жители окрестныхъ деревень.

4) Мощи Никанора. Объ этомъ Никанорѣ нѣтъ почти никакихъ преданій. Могила его въ лѣсу, близъ села Пафнутова.

5) Мощи Варлаама, Ефрема, Іоны, Или и Ѳеклы. О жизни этихъ лицъ также нѣтъ преданій. Могилы ихъ находятся въ улангерскомъ скитѣ; только первыхъ двухъ Варлаама и Ефрема, находятся около скита, въ лѣсу.

6) Мощи Іоны. Іона — раскольническій писатель XVIII ст. Онъ жилъ въ скитѣ комаровскомъ (1), гдѣ и написалъ исторію „о бѣгствующемъ священствѣ“ (помѣщенную въ Раск. д. XVIII ст. г. Есиповымъ). Іона былъ ревностный приверженецъ секты перемазанцевъ. Его исторія о бѣгствующемъ священствѣ написана именно съ тою цѣлію, чтобы оправдать перемазаніе въ глазахъ непризнававшихъ его. Мощи Іоны въ комаровскомъ скитѣ. Надъ могилою Іоны растеть ель, которая и называется іониною елью. Почитатели Іоны приходятъ на его могилу, поютъ канонъ за единоумершаго и грызутъ ель, которая будтобы имѣетъ силу утишать зубную боль.

Кромѣ исчисленныхъ нами будтобы святыхъ, расколоучители, съ цѣлію совращенія простодушныхъ въ расколъ, огласили чудотворными и нѣкоторыя иконы. Иконы, наиболѣе чтимыя ими, суть слѣдующія: 1) Николая чудотворца, находившаяся въ парфиріинной оби-

(1) Комаровскій скитъ отстоитъ на 25 в. отъ гор. Семенова. Построенъ онъ раскольникомъ Комаромъ, пришедшимъ на Керженецъ изъ тверской губерніи.

тели улангерскаго скита; 2) икона Спасителя въ назоретинской обители тогоже скита; 3) Николая чудотворца и успенія Божіей Матери—въ городецкой часовнѣ; 4) Николая чудотворца, находившаяся въ глафириной обители комаровскаго скита, и 5) казанская икона Богоматери, бывшая въ шарпанскомъ скитѣ⁽¹⁾. Нѣкоторыми изъ раскольниковъ почитались и почитаются еще иконы: 1) протопопа Аввакума, извѣстнаго перваго расколуучителя, и 2) икона Ѳедосіи Прокофьевны Салтыковой, урожденной Морозовой, къ которой Аввакумъ писалъ письма⁽²⁾. Икона ея находилась прежде въ Выбздной слободѣ, близъ города Арзамаса; гдѣ она теперь, мы не знаемъ.

Скиты, устроенные бѣглыми разнаго рода по заволжью, имѣли и имѣютъ особенно важное значеніе какъ для поддержанія, такъ и для распространенія раскола въ предѣлахъ нижегородскихъ. Обитатели скитовъ, хотя и назывались иноками, но рѣдко жили въ скитахъ. Они обыкновенно бродили⁽³⁾ по окрестнымъ селеніямъ, какъ для сбора подаяній, такъ и для распространенія раскольническаго ученія. Трудно рѣшить, что всего болѣе заставляло ихъ оставлять скиты: желаніе ли увеличить число послѣдователей древняго благочестія, или же желаніе пожить на чужой счетъ. Послѣднее, кажется, вѣроятнѣе. Разумѣется, что при этихъ своихъ походахъ, они преслѣдовали обѣ эти цѣли и, преслѣдуя

(1) Двѣ послѣднія находятся теперь въ единовѣрческой керженской мужской обители.

(2) Письма эти помѣщены въ запискахъ А. Б.

(3) Скитники бродятъ по окрестнымъ селеніямъ, даже по городамъ, и въ настоящее время.

первую, т. е. проповѣдуя старую вѣру, достигали и послѣдней, т. е. набивали свои карманы. Нѣтъ, кажется, нужды говорить о легковѣрїи простаго народа, о его незнанїи основныхъ догматическихъ и обрядовыхъ истинъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ о его желанїи, охотѣ поучиться отъ „божественнаго“, послушать „душеполезныхъ разговоровъ отъ людей знающихъ, начитанныхъ“. Странствуя по окрестнымъ селенїямъ, скитники заходили въ дома поселянъ, и здѣсь, во время длинныхъ осеннихъ и зимнихъ вечеровъ⁽¹⁾, увлекали своихъ хозяевъ своими разговорами отъ „божественнаго“ писанїя. Нерѣдко какой нибудь старикъ, съ длинною сѣдою бородою, смиренный на видъ, но въ сущности изворотливый и хитрый⁽²⁾, по цѣлымъ часамъ удерживалъ за собою вниманїе своихъ простодушныхъ слушателей, рассказывая имъ о невидимыхъ монастыряхъ и живущихъ тамъ святыхъ, о глухихъ лѣсахъ керженскихъ и „равноангельной“ подвижнической жизни живущихъ тамъ скитниковъ, о мощахъ раскольниковскихъ святыхъ и источаемыхъ отъ нихъ чудесахъ и т. п. Простодушные слушатели вѣрили начитанному, всезнающему „благочестивому“ старцу и, если сами были

(1) Намъ неоднократно приходилось слушать такихъ раскольниковскихъ начетчиковъ. Для своихъ бесѣдъ они всегда избираютъ осеннїе и зимнїе вечера, потому что весною и лѣтомъ крестьянину некогда слушать кого бы то ни было; зимою же и осенью вся семья бываетъ почти всегда дома и занимается домашними работами. Если приходитъ въ какой-либо домъ «скитскїй внокъ», его тогда слушаетъ не только семейство этого дома, но и сосѣди, собирающїеся обыкновенно послушать «отъ божественнаго».

(2) Св. Дим. рост. называетъ такихъ учителей волками въ овечьей кожѣ. Роз. ч. III, стр. 559.

людьми „древняго благочестія“, то еще болѣе укрѣплялись въ старой вѣрѣ, а если православными, выпадали нерѣдко въ сомнѣніе относительно православія; нуженъ былъ какой нибудь ничтожный случай, и такія личности переходили въ расколъ. Заходилъ ли такой начетчикъ въ домъ богатаго, зажиточнаго купца, здѣсь онъ успѣвалъ обратить на себя вниманіе, особенно женскаго населенія дома. Незанятая никакою работою, ни физическою ни умственной, богатая купчиха всегда съ радостію принимаетъ входящихъ къ нимъ такихъ старцевъ и съ удовольствіемъ слушаютъ ихъ лживые рассказы о святыхъ мѣстахъ, никогда ими невиданныхъ, о святыхъ подвижникахъ, никогда не существовавшихъ. Воспламенивъ воображеніе этихъ простодушныхъ слушательницъ ужасами адскихъ мукъ, картинами райскихъ наслажденій, которыя достанутся на долю послѣдователей „древняго благочестія“, — наслажденій, которыя будутъ состоять въ томъ, что послѣдователи „старой вѣры“ будутъ жить въ золотыхъ палатахъ, украшенныхъ жемчугомъ и драгоценными камнями, и сами, разумѣется, одѣтые въ приличныя палатамъ одежды, вкушать райскія яблоки и слушать пѣніе райскихъ птицъ, эти начетки пріобрѣтали себѣ ревностныхъ послѣдовательницъ раскола и вмѣстѣ съ тѣмъ щедрыхъ благотворительницъ. Такимъ образомъ скитскіе расколотчики однимъ ударомъ убивали, какъ говорится, двухъ зайцевъ.

Не менѣе скитниковъ содѣйствовали и содѣйствуютъ распространенію раскола и такъ называемыя келейницы, какъ скитскія, такъ и жившія и живущія по

селямъ и деревнямъ въ кельяхъ, построенныхъ или позади крестьянскихъ дворовъ, или же гдѣ либо въ концѣ села или деревни. Скитницы, также какъ и окитники, не сидѣли дома, а бродили по окрестнымъ селеніямъ и городамъ, то подъ видомъ странницъ, то за сборомъ подаваній для своихъ скитовъ. Ихъ рассказы, ихъ проповѣдь о расколѣ были едва ли не успѣшнѣе проповѣди скитниковъ, особенно среди женщинъ. Забравшись въ домъ какого-либо богатаго мѣщанина, особенно купца, онѣ жили здѣсь по цѣлымъ недѣлямъ, даже мѣсяцамъ. Угождая хозяевамъ и льстя имъ, онѣ запутывали ихъ въ свои сѣти и пріобрѣтали надъ ними сильное вліяніе. Простодушныя и необразованныя мѣщанки и купчихи ввѣрялись имъ совершенно и нерѣдко отдавали имъ дѣтей своихъ—дочерей въ скиты, для наученія грамотѣ⁽¹⁾, а иногда и сами ѣздили въ скиты или на постоянное жительство, или на время, чтобы хотя сколько нибудь испытать сладость скитской жизни, загладить свои грѣхи и чрезъ то получить вѣчное спасеніе⁽²⁾. Подобныя богомолки ѣздили въ скиты не съ пустыми руками. Онѣ везли съ собою всякаго рода жизненные припасы: муку, крупу, масло и деньги, которыми въ изобиліи снабжали скитницъ, своихъ „неустанныхъ молитвенницъ“. Такимъ образомъ здѣсь бы-

(1) Духъ мудр. раск. стр. 84. Замѣтимъ здѣсь, что наученіе грамотѣ раскольники считаютъ дѣломъ святымъ; поэтому большая часть раскольниковъ—грамотные. «Грамотное ученіе дѣло Божіе есть», говорятъ раскольники. Наказаніе ко учителемъ, како учити дѣтей, помѣщ. въ учебн. расколн. псалтири.

(2) Подобныя поѣздки купчихъ, преимущественно вдовыхъ, совершаются часто и въ настоящее время.

ла поддержка съ той и другой стороны. Скитницы поддерживали расколъ, а богомолки-купчихи поддерживали скитницъ въ матеріальномъ отношеніи. Особенно вредно было вліяніе скитницъ на дѣтей, отдаваемыхъ имъ на воспитаніе. Чтобы воспитать въ дѣтяхъ строгихъ блюстителей и ревнителей старой вѣры, имъ всѣчески старались внушить сильную ненависть къ православному, особенно къ священникамъ ихъ. Въ тойже ненависти къ православію воспитываются дѣти раскольниковъ, а иногда и нераскольниковъ у такъ называемыхъ „черничекъ“ или келейницъ, которыя, большею частію, бываютъ раскольницы. Начиная учить дѣтей чтенію, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ вселять въ нихъ ненависть къ православію, называя православныхъ „щепотниками, еретиками, слугами антихриста“, рассказывая при этомъ объ ужасахъ адскихъ мукъ, которымъ подвергнутся въ будущей жизни слуги антихриста. Напуганныя дѣти живо представляютъ себѣ эти муки, приходятъ отъ нихъ въ ужасъ, начинаютъ съ боязнію смотрѣть на православнаго, отворачиваются отъ него. Съ теченіемъ времени эта, такъ сказать, бессознательная боязнь переходитъ въ явное отвращеніе и такимъ образомъ изъ наученнаго келейницею дитяти выходитъ грубый и закоренѣлый раскольникъ, котораго трудно, если не невозможно, обратить въ православіе. Всякому извѣстно, какъ трудно бываетъ искоренить посянное въ дѣтствѣ даже у тѣхъ лицъ, которые, впоследствии, получаютъ основательное образованіе. Рассказы няни о привидѣніяхъ, лѣшихъ, колдунахъ, кикиморахъ, навсегда остаются въ памяти, какъ живые об-

разы, какъ дѣйствительность, хотя разсудокъ громко говорить противъ подобныхъ сказокъ. Нерѣдко случается, что челоуѣкъ, невѣрующій привидѣніямъ, не пойдетъ ночью на кладбище, не останется одинъ въ темной комнатѣ. Что же сказать о дѣтяхъ крестьянъ, образованіе которыхъ ограничивается наученіемъ грамотѣ у чернички? Они навсегда остаются дѣтьми въ умственномъ отношеніи; они во всю жизнь будутъ вѣрить въ существованіе лѣшихъ, кикиморъ и проч.; они навсегда останутся въ полной увѣренности, что православные, или, какъ говорятъ раскольники, никониане, суть слуги антихриста, что на томъ свѣтѣ имъ отведено будетъ мѣсто рядомъ съ Іудою предателемъ. Кто же, послѣ этого, согласится оставить расколъ и перейти въ православіе? Кто захочетъ занять мѣсто рядомъ съ Іудою? Отсюда понятно, почему дѣти, воспитанныя у раскольниковъ, бываютъ самыми упорными раскольниками; понятенъ и весь вредъ, приносимый скитницами; видны также значеніе и сила, какія имѣютъ скитницы и келейницы въ дѣлѣ распространенія и поддержки раскола.

Скиты имѣли еще и то важное значеніе для раскола, что въ нихъ рѣшались разные обрядовые и даже догматическіе вопросы. Съ цѣлю рѣшенія этихъ вопросовъ въ скитахъ собирались соборы, на которыхъ, кромѣ скитниковъ, присутствовали иногда и жители окрестныхъ селеній. Таковы были соборы въ концѣ XVII и началѣ XVIII ст. по поводу вопроса о томъ, какъ (какимъ чиномъ) принимать приходящихъ въ расколъ, а также соборы по поводу писемъ Аввакума о

св. Троицѣ, имѣвшихъ ревностныхъ приверженцевъ въ онуфріевцахъ и софоніевцахъ, и противниковъ въ лицѣ Ѳеодора Токмачева и его партіи, слѣдовавшей діакону Ѳеодору. Въ послѣднихъ сходкахъ, т. е. сходкахъ по поводу споровъ Онуфрія и Токмачева, принимали живѣйшее участіе не только жители окрестныхъ селеній, но и московскіе старообрядцы. Чтò полагалось на этихъ соборахъ, то принималось и жителями окрестныхъ селеній. Такимъ образомъ скиты давали, такъ сказать, тонъ и направленіе расколу. Впрочемъ, нужно сказать и то, что хотя на соборы эти и собирались одни только послѣдователи „древняго благочестія“, чтò должно было ручаться за согласіе и единство въ мнѣніяхъ, но не такъ было на самомъ дѣлѣ. Ратуя за старую вѣру, за единство мысли, жители скитовъ, особенно скитскіе настоятели, не были свободны отъ духа партій. Или по личнымъ расчетамъ или по непониманію дѣла, настоятели скитовъ рѣдко соглашались другъ съ другомъ; поэтому собранія или соборы скитниковъ рѣдко достигали цѣли—уничтоженія разномыслія между скитскими настоятелями. Каждый изъ нихъ почти всегда оставался при своемъ мнѣніи, какъ это видно напр. изъ споровъ Онуфрія съ партіею Токмачева⁽¹⁾; каждый имѣлъ свою партію на соборѣ, которая и называлась именемъ того лица, за которое стояла. Отсюда происхожденіе разныхъ раскольническихъ согласій: софоніевщины, онуфріевщины, діаконовщины и т. д. Приверженцы того или другаго лица, присут-

(1) Есип. ч. II. стр. 230—260.

ствовавшие на соборѣ, разносили по окрестнымъ селеніямъ мнѣнія того лица, за которое стояли. Такимъ образомъ соборы хотя и не достигали прямой цѣли—утвержденія единства мнѣній между старообрядцами, однако имѣли своимъ слѣдствіемъ распространеніе раскольническихъ мнѣній по окрестностямъ,—мнѣній, которыя подверждались авторитетомъ собора, потому что приверженцы той или другой партіи увѣряли своихъ слушателей, что именно ихъ партія одержала верхъ и потому ихъ ученіе правое. Что же касается простодушныхъ слушателей, внимавшихъ разговорамъ скитниковъ и лицъ, присутствовавшихъ на соборѣ; то они принимали эти рассказы за истину, вовсе не думая справляться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла. Они становились или онуфріевцами, или діаконовцами, смотря по тому, діаконовець, или онуфріевецъ успѣвалъ внушить имъ прежде свое ученіе, или же смотря по тому, какое изъ этихъ ученій болѣе нравилось имъ самимъ, болѣе согласовалось съ ихъ внутреннимъ душевнымъ настроеніемъ. Что же касается существа дѣла, то они, въ своихъ собственныхъ глазахъ, оставались старообрядцами, были „по старой вѣрѣ“, слѣдовательно почитали себя правыми и истинными послѣдователями ученія Христова и, враждуя другъ съ другомъ, были единодушны въ ненависти къ православію.

Старообрядцы почитали и почитаютъ православными только себя, только о себѣ думаютъ, что они содержатъ правую старую вѣру,—что должно было бы обуславливать между ними единство, а между тѣмъ у нихъ самихъ нѣтъ единства, а существуютъ различныя

толки: еедосѣвцевъ, діаконовцевъ, филиповцевъ, софоніевцевъ и т. д. При обзорѣ этихъ толковъ, какъ у посторонняго наблюдателя, такъ и у самого старообрядца необходимо рождается вопросъ: какимъ образомъ у людей, ратующихъ за старую вѣру, которая должна быть одна, является столько разнорѣчія не только въ обрядахъ, но и въ догматахъ? Что нибудь одно: или всѣ они уклонились отъ истинной вѣры, или только одинъ какой нибудь толкъ держится старой вѣры и потому остальные всѣ не могутъ назваться старообрядцами. Между тѣмъ всѣ раскольники почитаютъ себя старообрядцами и, въ то же время, каждый изъ толковъ только себя почитаетъ правымъ, а всѣ прочіе толки признаетъ уклонившимися отъ праваго пути. Уже это самое разногласіе и противорѣчіе ихъ между собою должно было бы открыть старообрядцамъ глаза, заставить подумать объ этомъ неестественномъ раздѣленіи единой вѣры и сознать уклоненіе отъ единаго истиннаго пути. Дѣйствительно, старообрядцы видѣли и видятъ неестественность своего положенія, однако не могутъ достигъ желаемаго единства въ дѣлѣ вѣры, потому что каждый изъ старообрядческихъ толковъ до сихъ поръ почитаетъ правымъ только свое собственное ученіе, только своихъ признаетъ людьми, идущими „по правому пути“. Чѣмъ же объяснить такую непослѣдовательность? Какимъ образомъ люди, почитающіе себя послѣдователями *единой* вѣры, раздѣлились на нѣсколько толковъ, столь несогласныхъ другъ съ другомъ?

Каждый старообрядческій толкъ, признавая правымъ себя, а всѣ другіе толки неправыми, съ своей

точки зрѣнія, въ своихъ собственныхъ глазахъ дѣйствительно оказывается правымъ. Расколъ, обязанный своимъ происхожденіемъ невѣжеству, продолжаетъ конѣтъ въ невѣжествѣ и до сихъ поръ. Уклонившись отъ истинной Церкви, которая одна есть столпъ и утвержденіе истины, раскольники, неразвитые и необразованные, потеряли, такъ сказать, почву подъ своими ногами, не могли найти критерія для своихъ мнѣній ни въ самой Церкви, потому что отвергли ее, ни въ своемъ собственномъ умѣ (который, къ слову сказать, не можетъ быть критеріемъ въ дѣлѣ вѣры богооткровенной), потому что не обладали научными свѣдѣніями, не знали основательно и догматовъ, и не понимали, какъ слѣдуетъ, писаній отеческихъ. Это уклоненіе отъ единой истинной Церкви, эта неразвитость и непониманіе духа христіанства имѣли своимъ слѣдствіемъ то, что всякій, уклонившійся отъ Церкви, думалъ, вѣровалъ и училъ такъ, какъ ему приходило въ голову. Разумѣется, что учить другихъ рѣшался тотъ, кто хотя чѣмъ нибудь отличался отъ толпы, хотя даже тѣмъ, что умѣлъ читать, слѣдовательно былъ увѣренъ въ себѣ, что онъ самъ вѣруетъ и учить другихъ на основаніи прочитаннаго имъ въ „божественныхъ книгахъ“. Дѣйствительно, каждый раскольническій толкъ основывалъ свое ученіе на свящ. Писаніи, или твореніяхъ отеческихъ, или же писаніяхъ древнихъ русскихъ пастырей. Но каково, на самомъ дѣлѣ, было это основаніе? Едва умѣющій читать, расколочитель рѣдко могъ понимать то, что читаетъ, рѣдко могъ добратся до истиннаго смысла прочитаннаго; поэтому, по необ-

ходимости ограничивался и руководствовался своимъ собственнымъ, личнымъ пониманіемъ прочитаннаго, — пониманіемъ, не развитымъ образованіемъ (¹). Также точно поступалъ и всякій другой расколоучитель и каждый изъ нихъ былъ увѣренъ въ правильности только своего собственнаго пониманія. Этому-то непониманію своихъ вождей расколъ и обязанъ происхожденіемъ своихъ толковъ; въ этомъ же самомъ непониманіи, неразвитости кроется причина того, что каждый изъ раскольническихъ толковъ только себя признаетъ правымъ, а всѣ другіе толки неправыми, и вмѣстѣ того, что каждый изъ нихъ признаетъ себя послѣдователемъ старой вѣры, только понимаемой различно, смотря по внутреннему, личному взгляду толкователя. Поэтому-то рас-

(¹) Непониманіе древнихъ писателей, переводныхъ и собственно русскихъ, было очень естественно. Извѣстно, что наша древняя церковная письменность была сколкомъ, подражаніемъ византійскимъ образцамъ. Древніе русскіе писатели заимствовали отъ Византіи не только содержаніе, но и форму для своихъ сочиненій, и между тѣмъ назначали ихъ для народа необразованнаго, только что принявшаго христіанство, не успѣвшаго сродниться съ нимъ и не понимавшаго, поэтому, не только содержанія, но и ораторскаго искусства проповѣдника, которое еще болѣе затемняло неясный смыслъ сообщаемыхъ ему истинъ. Притомъ, древніе русскіе проповѣдники писали на старославянскомъ языкѣ (ибо онъ былъ языкомъ письменнымъ), который значительно отличался отъ общеупотребительнаго народнаго русскаго языка, а потому не всегда былъ понятенъ для массы. Чѣмъ болѣе, съ теченіемъ времени, выработывался языкъ народный русскій, чѣмъ болѣе отдалялся онъ отъ старославянскаго, тѣмъ непонятнѣе становился послѣдній. Это раздвоеніе языка письменнаго и народнаго произвело то, что уже въ XIV—XV столѣтіяхъ стали превратно понимать и толковать писанія древнихъ русскихъ пастырей (Обз. ист. сл. лит. стр. 173). Чѣмъ, разумеется, дольше шло время, тѣмъ непонятнѣе становились древніе писатели, и вотъ въ XVII ст. это непониманіе, или лучше, превратное пониманіе древнихъ церковно-поучительныхъ книгъ произвело цѣлый рядъ различившихъ мнѣній, выразившихся въ расколѣ и его толкахъ.

коль, не смотря на свои многочисленныя развѣтвленія, которыя должны были бы вести его къ распаденію, не распался и не ослабѣлъ, потому что вѣрилъ, что онъ держится тойже старины, за которую возсталъ сначала. Развѣтвленіе его на мелкія секты только придало ему еще большую силу, потому что разнообразныя мнѣнія давали возможность слѣдовать тому мнѣнію, которое было среднѣе и ближе къ личному пониманію cadaго. И этимъ развѣтвленіямъ расколь обязанъ скитскимъ жителямъ, такъ какъ они одни имѣли возможность и средства заниматься рѣшеніемъ вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Большинство же сельскихъ жителей, за неимѣніемъ времени, оставляло такіе вопросы въ сторонѣ и руководствовалось наставленіями скитскихъ учителей, безпрестанно бродившихъ по окрестнымъ селеніямъ.

Безпрестанно странствуя по окрестнымъ селеніямъ, скитники поддерживали расколь тѣмъ еще, что въ посѣщаемыхъ ими селахъ и деревняхъ устраивали частыя собранія и такъ называемыя „моленныя“. Въ этихъ собраніяхъ они или сами принимали непосредственное участіе, если долго оставались въ извѣстномъ селеніи, или же поручали дѣлать нужное избраннымъ ими уставщикамъ изъ этихъ же самыхъ селеній. На собраніяхъ обыкновенно читались книги, уважаемыя раскольниками, какъ то: Маргаритъ, Кириллова книга, прологи, четывиней и др., и читались поученія или самимъ скитникомъ, или избраннымъ имъ уставщикомъ. Само собою разумѣется, что собранія эти тѣснѣе и тѣснѣе соединяли раскольниковъ. Жизнь одиночная, безъ сношеній

съ посторонними, безъ обмѣна мыслей съ единовѣрцами, должна была мало помалу ослаблять ревность по „старой вѣрѣ“ и сблизить старообрядцевъ съ православными. А этого сближенія всего больше боялись скитскіе учителя, заботившіеся о томъ, чтобы имѣть какъ можно болѣе послѣдователей. Сами они по лѣности и по непривычкѣ къ труду не хотѣли снискивать себѣ пропитаніе и ждали его отъ другихъ. Разумѣется, что чѣмъ больше было у нихъ послѣдователей, тѣмъ были они обезпеченнѣе въ матеріальномъ отношеніи. Во время посѣщеній окрестныхъ селеній скитники не ограничивались однимъ устройствомъ собраній и моленныхъ, но и исправляли у поселянъ разныя требы: крестили, вѣнчали, хоронили. Недостатка въ подобнаго рода требоисправителяхъ не было. Поповщинскіе керженскіе скиты, особливо оленевскій и комаровскій, изобиловали бѣглыми попами; въ городецкой часовнѣ всегда былъ достаточный запасъ бѣглыхъ поповъ. Что же касается безпоповцевъ, то у нихъ даже старшій въ родѣ могъ исправлять требы, да и не могло быть недостатка въ особеннаго рода требоисправителяхъ-уставщикахъ, которыми въ достаточномъ количествѣ снабжали безпоповщину заволжскіе скиты. Вообще скитскіе ревнители старой вѣры никогда не заставляли нуждаться ни въ „духовныхъ утѣшеніяхъ“, ни въ требахъ, жителей селеній, не только прилегавшицъ къ скитамъ, но даже и отдаленныхъ отъ нихъ, и тѣмъ самымъ поддерживали въ простомъ народѣ ревность по вѣрѣ, не позволяя ему сблизжаться съ православными и такимъ образомъ уклоняться отъ вѣры, будтобы завѣщанной предками.

Богатства, сосредоточившіяся въ рукахъ раскольниковъ, особенно со временъ царствованія Екатерины II, когда раскольникамъ дарованы были гражданскія права, были однимъ изъ лучшихъ и надежнѣйшихъ средствъ, при помощи которыхъ расколъ укрѣплялся и получалъ большую и большую силу. Извѣстно, что раскольническія общины, особенно единовѣрныя, тѣсно связаны между собою. Каждая община, каждое частное лице, всегда готовы помочь другъ другу въ нуждѣ, чего, къ сожалѣнію, нѣтъ у православныхъ. Этимъ единствомъ, этою тѣсною связью между собою раскольники обязаны не своей вѣрѣ, не своимъ религіознымъ убѣжденіямъ, но прожитой ими исторической жизни, вѣковымъ преслѣдованіямъ со стороны власти. Обязанные своимъ единствомъ обстоятельствамъ чисто внѣшнимъ, раскольники скоро поняли всѣ выгоды тѣсной связи между собою. Помогая другъ другу взаимно, особенно въ торговыхъ предпріятіяхъ, и совѣтами и довѣріемъ, они скоро успѣли забрать въ свои руки торговую и фабричную промышленность. Мелочная и преимущественно оптовая торговля сосредоточилась въ ихъ рукахъ. Разъ понявъ выгоды товарищества, или, лучше, общей круговой поруки, фабриканты и оптовые торговцы, и разбогатѣвъ не покидали своихъ общинъ; напротивъ они крѣпко держались другъ друга и продолжали помогать другъ другу. Если и выискивался какой нибудь смѣльчакъ, который оставлялъ общество и переходилъ въ православіе, то ему плохо приходилось отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ; кредитъ его подрывали и онъ нерѣдко лишался своего состоянія. Немногіе, раз-

умѣтся, могли легко переносить подобнаго рода потери, и потому многіе оставались въ расколѣ не по убѣжденію, а изъ боязни потерять свое состояніе. Что же за выгода богатымъ купцамъ и фабрикантамъ удерживать въ своей общинѣ личность, не желающую имѣть съ ними одну вѣру? Зачѣмъ насиловать совѣсть другаго? Не лучше ли бы предоставить каждому свободный выборъ въ дѣлѣ вѣры, и оставить въ покоѣ того, кто желаетъ имѣть свои убѣжденія, кто хочетъ слѣдовать внушеніямъ своей совѣсти?

Сила раскола состоитъ главнымъ образомъ въ богатствѣ и большинствѣ его членовъ. Не смотря на то, что законодательство Екатерины II и ея преемниковъ снисходительно отнеслось къ расколу, оно не дало ему равноправности съ господствующимъ вѣроисповѣданіемъ. Не имѣя равноправности, раскольники не были довольны своимъ положеніемъ, не были ограждены отъ придирокъ и притѣсненій со стороны чиновниковъ, которые видѣли въ расколѣ золотое дно и всегда пользовались случаемъ поживиться на счетъ раскольника. Естественно поэтому, что раскольники употребляли все свои силы на пріобрѣтеніе богатства, при помощи котораго они могли пользоваться болѣе значительною долей свободы, чѣмъ какую имѣли предъ закономъ. Само собою понятно, что если изъ среды ихъ выбывалъ какой-либо членъ и переходилъ на сторону православія, то онъ уменьшалъ ихъ доли богатства и лишалъ части той силы, при помощи которой пріобрѣталось это богатство, что разумѣется не могло нравиться раскольникамъ, потому что чрезъ это уменьшалась сила рас-

кола. Невыгодно было раскольникамъ выпускать изъ среды своей члена даже и не столь зажиточнаго, какъ фабрикантъ или оптовый торговецъ. Они дорожили каждою личностію, потому что чѣмъ больше на ихъ сторонѣ было членовъ, тѣмъ они были сильнѣе. Имѣя на своей сторонѣ большинство, раскольники, гдѣ нужно, имѣли возможность опереться на это большинство и показать, что на ихъ сторонѣ сила. Съ другой стороны, при удержаніи раскольниковъ въ расколѣ и при самомъ распространеніи раскола, дѣйствовало и самолюбіе вождей раскола, преимущество раскольническихъ купцовъ и фабрикантовъ. Чѣмъ больше имѣли они единовѣрцевъ, чѣмъ больше народа успѣвали они привлечь на свою сторону, тѣмъ больше пріобрѣтали себѣ почета, тѣмъ больше слѣд. удовлетворяли своему самолюбію. Поэтому-то богачи раскольники пускали въ ходъ всякаго рода средства, чтобы привлечь на свою сторону какъ можно большее число членовъ,—и деньги и притѣсненія, которыя всегда возможны при торговыхъ сношеніяхъ. Привозилъ, напримѣръ, крестьянинъ оптовому торговцу-богачу муку, крупу, или издѣльные товары, какъ то: войлочные шляпы, валенки, деревянную посуду⁽¹⁾ и проч., торговецъ-раскольникъ старался какъ можно больше понизить цѣну на эти товары, если производитель былъ православный, и дать надлежащую цѣну за товаръ своему единовѣрцу. Это онъ

(1) Промыслы нижегородскихъ жителей ограничивались и ограничиваются преимущественно дѣланіемъ войлоковъ, валенокъ, полярковыхъ шляпъ, деревянной посуды, гвоздей, точилъ, рогожъ, гонкою дегтя, смолы, добываніемъ угля и лѣсомъ. Оптовая торговля этими произведеніями находится въ рукахъ раскольниковъ.

легко могъ сдѣлать потому, что въ подобнаго рода торговлѣ онъ былъ почти монополистомъ. Нанимался ли къ купцу прикащикъ, купецъ всегда отдавалъ въ этомъ случаѣ преимущество своему единовѣрцу. Если же по какому-либо случаю попадалъ въ прикащики православный, то при помощи разныхъ средствъ, прижимокъ и обѣщаній со стороны своего хозяина скоро оставлялъ православіе и переходилъ въ расколъ. Поступалъ ли къ раскольнику простой работникъ-православный, и онъ скоро дѣлался раскольникомъ, потому что жить православному у раскольника приходилось очень плохо. Хозяинъ раскольникъ обыкновенно очень худо относится къ работнику православному; онъ презираетъ его, обчитываетъ и дѣлаетъ разнаго рода прижимки. Онъ никогда не посадить православнаго не только за одинъ столъ съ собою, но даже не позволить ему ѣсть изъ одной и тойже чашки, изъ которой ѣсть самъ. Для „ніконіанина“ есть у него особаго рода посуда, называемая нечистою, „поганою“. Съ своимъ же единовѣрцемъ хозяинъ обходится снисходительно, почти за панибрата, нерѣдко сажаетъ его за одинъ столъ съ собою, никогда не обчитываетъ и проч. Смотритъ, смотритъ православный на такое предпочтеніе себѣ раскольника и переходитъ въ расколъ⁽¹⁾. Матеріальныя

(1) Нѣкоторые изъ такихъ личностей, которые переходятъ въ расколъ изъ корыстныхъ расчетовъ, не могутъ назваться ни истинными раскольниками, ни истинно-православными. Это личности болѣею частью извращенныя, которыя легкомысленно относятся и къ расколу и къ православію. Этого рода личности при первомъ удобномъ случаѣ дѣлаются и раскольниками и православными. Живетъ человекъ у раскольника,—онъ раскольникъ, у православнаго—право-

нужды и корыстные расчеты, какъ прежде имѣли, такъ и теперъ имѣютъ весьма сильное вліяніе и при поддержкѣ раскола и при распространеніи его. Еще въ то время, когда расколъ только что устроился, когда влеченіе къ вѣрѣ было сильнѣе, чѣмъ теперъ, и тогда матеріальныя выгоды и корыстные расчеты имѣли силу и значеніе въ дѣлѣ вѣры. Достаточно привести въ примѣръ послѣдователей Онуфрія. Не смотря на то, что они ясно сознавали нелѣпость Аввакумовыхъ писемъ, хитрость и коварство самаго Онуфрія, они не оставляли его, надѣясь получить отъ него матеріальное вспоможеніе. „Мнози онуфріане (говорится въ рукописи) остапа (съ Ануфріемъ) аще и слышатъ и вѣдаютъ ануфріевы новыя ереси. Но не отлучаютъ себе отъ него, боящесе скудости тѣлесныя, дабы не обнищати. Понеже къ Ануфрію отъ міра большія подаванія идуть, а онъ раздаеть кому хоцетъ“ (1). Если въ первыя времена раскола богатство и вообще денежныя выгоды имѣли такое важное значеніе; то въ послѣдующее время, когда изувѣрство раскольниковъ значительно ослабѣло, матеріальныя выгоды стали имѣть еще большую силу. Въ настоящее время многіе изъ рас-

славный. Но что это за православный? Намъ случалось встрѣчаться съ подобнаго рода личностію — каменщикомъ. Работая съ православными въ общей артели, онъ никогда не молился ни предъ обѣдомъ, ни послѣ него, какъ это дѣлали другіе. На вопросъ: почему онъ такъ дѣлаеть? онъ отвѣчалъ съ насмѣшкою: «я жилъ въ работникахъ у раскольника; меня тамъ заставляли молиться вмѣстѣ съ хозяевами и класть по 1000 поклоновъ; теперъ, я думаю, что замолилъ на нѣсколько лѣтъ впередъ и молиться теперъ совершенно излишне».

(1) Есип. ч. II. стр. 255.

кольниковъ сдѣлались даже совершенно равнодушны къ старой вѣрѣ, и однако держатся раскола, потому что отъ этого зависитъ ихъ матеріальное благосостояніе.

Къ чести раскольниковъ нужно сказать, что они всегда отличались и отличаются трудолюбіемъ, бережливостію и трезвенностію⁽¹⁾, что, къ сожалѣнію, не всегда встрѣчается у православныхъ. Оттого раскольники всегда отличаются зажиточностію сравнительно съ своими сосѣдями—православными. Эта зажиточность всегда давала и даетъ раскольникамъ возможность говорить о правотѣ ихъ старой вѣры. „Вотъ, дескать, смотрите: Богъ насъ благословляетъ за то, что мы истинно чтимъ Его, а васъ, напротивъ, наказываетъ, потому что вы оставили истинную старую вѣру. Наше благосостояніе—явный знакъ Божія къ намъ благоволенія“. Простой и легковѣрный народъ не всегда добирается до истинной причины своей бѣдности и нерѣдко вполнѣ соглашается съ предъявленіями раскольника. Послѣдствія такихъ предъявленій понятны.

Е. Л.—въ.

⁽¹⁾ Мы говоримъ здѣсь не о скитскихъ раскольникахъ, между которыми распространено пьянство, а о раскольникахъ, живущихъ по городамъ и селеніямъ.